

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ОТКРЫТИЕ ЦЕННОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ В ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVII в.

Выше, в главе, посвященной вымышленному имени литературного героя, я уже касался демократической литературы XVII в. Долгое время в своей основной части не привлекавшая к себе особого внимания, она была затем открыта внимательными исследованиями и публикациями В. П. Адриановой-Перетц¹ и сразу заняла подобающее ей место в историко-литературных изучениях советских литературоведов.

К этой демократической литературе принадлежит "Повесть о Ерше Ершовиче", "Повесть о Шемякиной суде", "Азбука о голом и небогатом человеке", "Послание доверительное недругу", "Сказание о роскошном житии и веселии", "Повесть о Фоме и Ереме", "Служба кабаку", "Калязинская челобитная", "Повесть о попе Савве", "Сказание о куре и лисице", "Повесть о бражнике", "Сказание о крестьянском сыне", "Повесть о Карпе Сутулове", "Лечебник на иноземцев", "Роспись о приданом", "Слово о мужах ревнивых", "Стих о житии патриарших певчих" и, наконец, такое значительное произведение, как "Повесть о Горе Злочастии". Отчасти к тому же кругу примыкает автобиография протопопа Аввакума и автобиография Епифания².

Литература эта распространяется в простом народе: среди ремесленников, мелких торговцев, низшего духовенства, проникает в крестьянскую среду и т. д. Она противостоит литературе официальной, литературе господствующего класса, отчасти продолжающей старые традиции.

Литература демократическая оппозиционна феодальному классу; это литература, подчеркивающая несправедливость, господствующую в мире, отражающая недовольство действительностью, социальными порядками. Союз со средой, столь характерный для личности предшествующего времени, разрушен в ней. Недовольство своей судьбой, своим положением, окружающим - это черта нового, неизвестная предшествующим периодам. С этим связано господствующее в демократической литературе стремление к сатире, к пародии. Именно эти, сатирические и пародийные, жанры становятся основными в демократической литературе XVII в.

Для демократической литературы XVII в. характерен конфликт личности со средой, жалобы этой личности на свою долю, вызов общественным порядкам, иногда же - неуверенность в себе, мольба, испуг, страх перед миром, ощущение собственной незащитности, вера в судьбу, в рок, тема смерти, самоубийства и первые попытки противостоять своей судьбе, исправить несправедливость.

В демократической литературе XVII в. развивается особый стиль изображения человека: стиль резко сниженный, нарочито будничным, утверждавший право всякого человека на общественное сочувствие.

Конфликт со средой, с богатыми и знатными, с их "чистой" литературой потребовал подчеркнутой простоты, отсутствия литературности, нарочитой вульгарности. Стилистическая "обстройка" изображения действительности разрушается многочисленными пародиями. Пародируется всё - вплоть до церковных

служб. Демократическая литература стремится к полному разоблачению и обнажению всех язв действительности. В этом ей помогает грубость - грубость во всём: грубость нового литературного языка, наполовину разговорного, наполовину взятого из деловой письменности, грубость изображаемого быта, грубость эротики, разъедающая ирония по отношению ко всему на свете, в том числе и к самому себе. На этой почве создается новое стилистическое единство, единство, которое на первый взгляд кажется отсутствием единства.

Человек, изображенный в произведениях демократической литературы, не занимает никакого официального положения, либо его положение очень низко и "тривиально". Это - просто страдающий человек, страдающий от голода, холода, от общественной несправедливости, от того, что ему некуда приклонить голову. При этом новый герой окружен горячим сочувствием автора и читателей. Его положение такое же, какое может иметь и любой из его читателей. Он не поднимается над читателями ни своим официальным положением, ни какой бы то ни было ролью в исторических событиях, ни своей моральной высотой. Он лишен всего того, что отличало и возвышало действующих лиц в предшествующем литературном развитии. Человек этот отнюдь не идеализирован. Напротив!

Если во всех предшествующих средневековых стилях изображения человека этот последний чем-то непременно был выше своих читателей, представлял собой в известной мере отвлеченный персонаж, витавший в каком-то своем, особом пространстве, куда читатель, в сущности, не проникал, то теперь действующее лицо выступает вполне ему равновеликим, а иногда даже униженным, требующим не восхищения, а жалости и снисхождения.

Этот новый персонаж лишен какой бы то ни было позы, какого бы то ни было ореола. Это опрощение героя, доведенное до пределов возможного: он наг, если же и одет, то в "гуныку кабацкую"³, в "феризы рагоженные" с мочальными завязками⁴.

Он голоден, есть ему нечего, и "никто не дает", никто его не приглашает к себе. Он не признан родными и изгнан от друзей. Он изображен в самых непривлекательных положениях. Даже жалобы на отвратительные болезни, на грязный нужник⁵, сообщенные при этом от первого лица, не смущают автора. Это опрощение героя, доведенное до пределов возможного. Натуралистические подробности делают эту личность совершенно падшей, "низкой", почти уродливой. Человек бредет неизвестно куда по земле - такой, какая она есть, без каких бы то ни было прикрас. Но замечательно, что именно в этом способе изображения человека больше всего выступает сознание ценности человеческой личности самой по себе: нагой, голодной, босой, грешной, без всяких надежд на будущее, без всяких признаков какого бы то ни было положения в обществе.

Взгляните на человека,- как бы приглашают авторы этих произведений. Посмотрите, как ему тяжело на этой земле! Он затерян среди нищеты одних и богатства других. Сегодня он богат, завтра беден; сегодня он нажил себе денег, завтра прожил. Он скитается "меж двор", питается подаянием от случая к случаю, погряз в пьянстве, играет в кости. Он бессилён побороть себя, выйти на "спасенный путь". И тем не менее он достоин сочувствия.

Особенно поразителен образ безвестного молодца в "Повести о Горе Злочастии". Здесь сочувствием читателей пользуется человек, нарушивший житейскую мораль общества, лишенный родительского благословения, слабохарактерный, остро сознающий свое падение, погрязший в пьянстве и в азартной игре, сведший дружбу с кабацкими питухами и костарями, бредущий неведомо куда, помышляющий о самоубийстве.

Человеческая личность эмансипировалась в России не в одеждах конквистадоров и богатых авантюристов, не в пышных признаниях артистического дара художников эпохи Возрождения, а в "гуньке кабацкой", на последней ступени падения, в поисках смерти как освобождения от всех страданий. И это было великим предвозвестием гуманистического характера русской литературы XIX в. с ее темой ценности маленького человека, с ее сочувствием каждому, кто страдает и кто не нашел своего настоящего места в жизни.

Новый герой часто выступает в литературе от своего лица. Многие из произведений этого времени носят характер "внутреннего монолога". И в этих своих выступлениях перед читателями новый герой часто ироничен - он как бы выше своих страданий, смотрит на них со стороны и с усмешкой. На самой низкой ступени своего падения он сохраняет чувство своего права на лучшее положение: "И хочетца мне жить, как и добрыя люди живут"⁶; "Тверд был ум мой, да лих на сердце у меня много всякой мысли"⁷; "Живу я, человек доброй и славной, а покушать мне нечево и никто не дает"⁸; "Обмылся бы я беленко, нарядился хорошенко, да не во что"⁹.

Жалуясь на свою судьбу, авторы демократических произведений XVII в. поднимаются до очень решительных обобщений:

И некие в настоящее время гонят носящих бремя.
Овому честь бог дарует овии искупают,
овии трудишася, овии в труд их внидоша.
Овии скачют, овии же плачют.
Инии веселяшеся, инии ж всегда слезящеся.
Почто писать много, что от бедных не любят никого.
Лучше того любить, кого деньги лупят.
Что с убогова взяти - прикажи его сковати¹⁰.

Замечательно, что в произведениях демократической литературы XVII в. есть учительный голос, но это не голос уверенного в себе проповедника, как в произведениях предшествующего времени. Это голос обиженного жизнью автора или голос самой жизни. Действующие лица воспринимают уроки действительности, под их влиянием они меняются и принимают решения. Это явилось не только чрезвычайно важным психологическим открытием, но и открытием литературно-сюжетным. Конфликт с действительностью, воздействие действительности на героя позволяли иначе строить повествование, чем оно строилось раньше. Герой принимал решения не под влиянием наития христианских чувств или предписаний и норм феодального поведения, а вследствие ударов жизни, ударов судьбы,

В "Повести о Горе Злочастии" это воздействие окружающего мира персонафицировалось в виде друзей-советчиков и в виде

необыкновенно яркого образа Горя. Вначале молодец в "Повести о Горе Злочастии" и "мал и глуп, не в полном разуме и несовершен разумом"¹¹. Он не слушает своих родителей. Но потом он слушает, хотя и не до конца, своих случайных друзей, спрашивает у них сам совета. Наконец, появляется и само Горе. Советы Горя недобрые: это воплощение порожденного дурною действительностью пессимизма.

Первоначально Горе "привиделось" молодцу во сне, чтобы тревожить его страшными подозрениями:

Откажи ты, колодец, невесте своей любимой;
быть тебе от невесты истравлену,
еще быть тебе от тое жены удавлену,
из злата и серебра быть убитому!¹²

Горе советует молодцу пойти "на царев кабак", пропить свое богатство, надеть на себя "гуньку кабацкую" -

За нагим-то Горе не погонитца,
Да никто к нагому не привяжетца¹³.

Молодец не поверил своему сну, и Горе вторично является ему во сне:

Али тебе, молодец, не ведома
нагота и босота безмерная,
легота, безпроторица великая?
На себя что купить, то проторится,
а ты, удал молодец, и так живешь!
Да не бьют, не мучат нагих-босых,
и из раю нагих-босых не выгонят,
а с тово свету сюды не вытепут;
да никто к нему не привяжется;
а нагому-босому шумить розбой!¹⁴

С поразительной силой развертывает повесть картину душевной драмы молодца, постепенно нарастающую, убыстряющуюся в темпе, приобретающую фантастические формы.

Порожденное ночными кошмарами, Горе вскоре является молодцу и наяву, в момент, когда молодец, доведенный до отчаяния нищетой и голодом, пытается утопиться в реке. Оно требует от молодца поклониться себе до "сырой земли" и с этой минуты неотступно следует за молодцем. Молодец хочет вернуться к родителям, но Горе "наперед зашло, на чистом поле молодца встретило", каркает над ним, "что злая ворона над соколом":

Ты стой, не ушел, доброй молодец!
Не на час я к тебе, Горе злочастное, привязалось:
Хошь до смерти с тобою помучуся!
Не одно я, Горе,- еще сродники,
а вся родня наша добрая;

все мы гладки.:, умилные;
а кто в семью к нам примешается, -
ино тот между нами замучится!
Такова у нас участь и лутчая.
Хотя кинься во птицы воздушныя,
хотя в синее море ты пойдешь рыбою, -
а я с тобою пойду под руку под правую¹⁵ .

Ясно, что автор "Повести о Горе Злочастии" не на стороне этих "уроков жизни", не на стороне Гора с его недоверием к людям и глубоким пессимизмом. В драматическом конфликте молодца и Гора, воплощающего злую действительность, автор "Повести" на стороне молодца. Он глубоко ему сочувствует.

Такое отделение авторской точки зрения от преподносимых в произведении нравоучений, оправдание человека, который с церковной точки зрения не мог не считаться "грешником", было замечательным явлением в литературе XVII в. Оно означало гибель средневекового нормативного идеала и постепенный выход литературы на новый путь индуктивного художественного обобщения - обобщения, опирающегося на действительность, а не на нормативный идеал.

В тесной связи с общими тенденциями оправдания человеческой личности, столь свойственными демократической литературе, находится и всё творчество Аввакума. Различие только в том, что в творчестве Аввакума это оправдание личности ощущается с большей силой и проведено с несравненной тонкостью.

Оправдание человека сочетается в творчестве Аввакума, как и во всей демократической литературе, с опрощением художественной формы, стремлением к просторечию, отказом от традиционных способов идеализации человека.

Ценность чувства, непосредственности, внутренней, душевной жизни человека была провозглашена Аввакумом с исключительной страстностью. Сочувствие или гнев, брань или ласка - всё спешит излиться из-под ее пера. "Ударить душу перед богом"¹⁶ - вот единственное, к чему он стремится. Ни композиционной стройности, ни тени "извития словес" в изображении человека, ни привычного в древнерусской учительной литературе "красноглаголанья" - ничего, что стесняло бы его непомерно горячее чувство во всём, что касается человека и его внутренней жизни. Нередкая в творчестве Аввакума церковная риторика не коснулась изображения человека. Ни один из писателей русского средневековья не писал столько о своих чувствах, как Аввакум. Он тужит, печалится, плачет, боится, жалеет, дивится и т. д. В его речи постоянны замечания о переживаемых им настроениях: "ох, горе мне!"¹⁷ , "грустно гораздо"¹⁸ , "мне жаль..."¹⁹ И сам он, и те, о ком он пишет, то и дело вздыхают и плачут: "...плачють миленькие, глядя на нас, а мы на них"²⁰; "умному человеку поглядеть, да лише заплакать, на них глядя"²¹; "плачючи кинулся мне в карбас"²²; "и все плачють и кланяются"²³. Подробно отмечает Аввакум все внешние проявления чувств: "сердце озябло и ноги задрожали"²⁴. Так же подробно описывает он поклоны, жесты, молитвословия: "бьет себя и охает, а сам говорит"²⁵; "и он, поклоняся низенко мне, а сам говорит: "спаси бог"²⁶.

Он стремится вызвать к себе сочувствие читателей, жалуется на свои страдания и горести, просит прощения за свои грехи, описывает все свои слабости, в том числе и самые будничные.

Нельзя думать, что это оправдание человека касается только самого Аввакума. Даже враги, даже его личные мучители изображаются им с симпатией к их человеческим страданиям. Вчитайтесь только в замечательную картину страданий Аввакума на Воробьевых горах: "Потом полуголову царь прислал со стрелцами, и повезли меня на Воробьевы горы; тут же - священника Лазаря и старца Епифания, обруганы и острижены, как и я был прежде. Поставили нас по разным дворам; неотступно 20 человек стрельцов, да полуголова, да сотник над нами стояли -- берегли, жаловали, и по ночам с огнем сидели, и на двор с.ть провожали. Помилуй их Христос! пр я м ы е д о б р ы е с т р е л ц ы т е л ю д и, и дети таковы не будут, м у ч а т с я т у д ы ж е, с нами возясь; нужица-та какова прилучится, и оне всяко, м и л е н ь к и е, р а д е ю т... О н е г о р ю н ы и с п и в а ю т д о п ь я н а, д а м а т е р н ы б р а н я т с я, а т о б ы о н е и с м у ч е н и к а м и р а в н ы б ы л и"²⁷. "Дьявол лих до меня, а человеки все до меня добры"²⁸, - говорит Аввакум в другом месте.

Сочувствие к своим мучителям было совершенно несовместимо со средневековыми приемами изображения человека в XI-XVI вв. Это сочувствие стало возможно благодаря проникновению писателя в психологию изображаемых лиц. Каждый человек для Аввакума - не абстрактный персонаж, а живой, близко ему знакомый. Аввакум хорошо знает тех, о ком он пишет. Они окружены вполне конкретным бытом. Он знает, что его мучители только выполняют свою стрелецкую службу, и поэтому не сердится на них.

Мы видели уже, что изображение личности вставлено в бытовую рамку и в других произведениях русской литературы XVII в. - в "Жигии Ульянии Осорьиной", в "Повести о Марфе и Марии". В демократической литературе бытовое окружение отчетливо ощущается в "Повести о Ерше Ершовиче", в "Повести о Шемякиной суде", в "Службе кабаку", в "Повести о попе Савве", в "Сказании о крестьянском сыне", в "Стихе о жизни патриарших певчих" и др. Во всех этих произведениях быт служит средством опрощения человека, разрушения его средневековой идеализации.

В отличие от всех этих произведений, приверженность к быту достигает у Аввакума совершенно исключительной силы. Вне быта он вовсе не представляет себе своих персонажей. Он облекает в бытовые формы вполне общие и отвлеченные представления.

Художественное мышление Аввакума всё пронизано бытом. Подобно фламандским художникам, переносившим библейские события в родную им обстановку, Аввакум даже отношения между персонажами церковной истории изображает в социальных категориях своего времени: "Подобен я нищему человеку, ходящу по улицам града и по окошкам милостыню просящу. День той скончав и препитав домашних своих, на утро паки поволокся. Тако и аз, по вся дни волочась, збираю и вам, питомникам церковным, предлагаю: пускай ядше веселимся и живи будем. У б о г а т о в а ч е л о в е к а Христа из евангелия ломоть хлеба выпрошу, у Павла апостола, у б о г а т о в а г о с т я, ис посланей его хлеба крому выпрошу, у Златоуста, у т о р г о в а г о ч е л о в е к а, кусок словес его получю, у Давида царя и

у Исаи пророков, у п о с а д ц к и х людей, по четвертине хлеба выпросил; набрав кошель, да и вам даю жителям в дому бога моего"²⁹.

Ясно, что здесь быт героизирован. И замечательно, что в произведениях Аввакума личность снова приподнята, полна особого пафоса. Она по-новому героична, и на этот раз быт служит ее героизации. Средневековая идеализация возносила личность над бытом, над действительностью - Аввакум же заставляет себя бороться с этой действительностью и героизирует себя как борца с нею во всех мелочах житейского обихода, даже тогда, когда он "как собачка в солодке" лежал³⁰, когда спина его "гнила" и "блох да вшей было много"³¹, когда он ел "всякую скверну"³².

"Не по што нам ходить в Перейду мучитца,- говорит Аввакум,- а то дома Вавилон нажили"³³. Иными словами: можно стать мучеником, героем в самой будничной, домашней обстановке.

Конфликт личности с окружающей действительностью, столь характерный для демократической литературы, достигает страшной силы в его Житии. Аввакум стремится подчинить себе действительность, овладеть ею, населить ее своими идеями. Вот почему Аввакуму кажется во сне, что тело его растет и наполняет собой всю вселенную³⁴.

Это ему снится во сне, а наяву он продолжает бороться. Он не согласен замкнуться в себе, в своих личных горестях. Он считает все вопросы мироустройства своими, ни от одних он не устраняется. Его болезненно ранит безобразие жизни, ее греховность. Отсюда страстная потребность проповедничества. Его Житие, как и все другие его произведения, - непрерывная проповедь, проповедь, доходящая порой до исступленного крика. Проповеднический пафос по-новому, в новых формах возрождается в произведениях Аввакума, с ним вместе возрождается монументальность в изображении человека, но монументальность совершенно другая, лишенная прежней импозантности и прежнего абстрагирования. Это монументальность борьбы, борьбы титанической, до самой смерти, мученической, но вполне конкретной и "бытовой". Вот почему и самый быт приобретает в произведениях Аввакума какой-то особый оттенок пафосности. Цепи, земляная тюрьма, тяготы бедности те же, что и в других демократических произведениях, но они освящены его борьбой, его мученичеством. Щи, которые Аввакум ест в подвале Андроникова монастыря, те же, что и в любой крестьянской семье того времени, но их подает ему ангел³⁵. Та же и черная курочка, которую он завел себе в Сибири, но несет она Аввакуму по два яйца на день³⁶. И это толкуется Аввакумом как чудо. Все освящено ореолом мученичества за веру. Освящена им и вся его литературная позиция.

Перед лицом мученичества и смерти он чужд лжи, притворства, лукавства. "Ей, добро так!"³⁷, "Не лгу я!"³⁸ - такими страстными заверениями в правдивости своих слов полны его писания. Он "живой мертвец", "земляной юзник"³⁹ - ему не пристало дорожить внешней формой своих произведений: "...понеже не словес красных бог слушает, но дел наших хочет"⁴⁰. Вот почему писать надо без мудрований и украс: "...сказывай, небось, лише совесть крепку держи"⁴¹.

Аввакум писал свои сочинения тогда, когда над ним и в его собственных глазах, и в глазах его приверженцев уже мерцал ореол мученичества. Вот почему и его просторечие, и его "бытовизм" в описании собственной жизни носили особый, героический характер. Тот же героизм чувствуется и в созданном им образе мученика за веру.

Пафосом борьбы пронизаны все его сочинения, все литературные детали: от земляной ямы и виселицы до титанического пейзажа Даурии с ее горами высокими и утесами каменными⁴². Он вступает в спор с самим Христом: "...за что Ты, Сыне божий, попустил меня ему таково болно убить тому? Я веть за вдовы Твои стал! Кто даст судию между мною и Тобою? Когда воровал, и Ты меня так не оскорблял; а ныне не вем, что согрешил!"⁴³

В произведениях Аввакума, в выработанном им особом стиле, который можно было бы назвать стилем патетического опрощения человека, литература древней Руси снова поднялась до монументализма прежнего искусства, до общечеловеческих и "мировых" тем, но на совершенно иной основе. Могущество личности самой по себе, вне всякого своего официального положения, могущество человека, лишенного всего, ввергнутого в земляную яму, человека, у которого вырезали язык, отнимают возможность писать и сносятся с внешним миром, у которого гниет тело, которого заедают вши, которому грозят самые страшные пытки и смерть на костре, - это могущество выступило в произведениях Аввакума с потрясающей силой и совершенно затмило собой внешнее могущество официального положения феодала, за которым с такою верностью следили во многих случаях русские исторические произведения XI-XVI вв.

Открытие ценности человеческой личности самой по себе касалось в литературе не только стиля изображения человека. Это было и открытием ценности авторской личности. Отсюда появление нового типа профессионального писателя, осознание ценности авторского текста, появление понятия авторской собственности, не допускающего простого заимствования текста у предшественников, и отмена компилятивности как принципа творчества. Отсюда же, из этого открытия ценности человеческой личности, идет характерный для XVII в. интерес к автобиографиям (Аввакума, Епифания, Елеазара Анзерского и др.), а также к личным запискам о событиях (Андрея Матвеева о Стрелецком бунте).

В изобразительном искусстве открытие ценности человеческой личности проявляется весьма разнообразно: появляются парсуны (портреты), развивается линейная перспектива, предусматривающая единую индивидуальную точку зрения на изображение, появляются иллюстрации к произведениям демократической литературы с изображением "среднего" человека, зарождается лубок.

---

¹ Упомяну лишь основные работы В. П. Адриановой-Перетц: Очерки по истории русской сатирической литературы XVII века. М. - Л., 1937; Русская демократическая сатира XVII века. М.-Л., 1954.

² Не только по своей форме, но и по своему содержанию литература раннего старообрядчества отражала демократические устремления, см.: Л. Е. Анкудинова. Социально-политическая сущность религиозно-общественного движения в Русском государстве третьей четверти XVII в. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук, Ленинградский государственный университет. Л., 1951; Л. Е. Анкудинова. Социальный состав первых раскольников. Вестник Ленинградского университета, 1956, № 14, серия истории, языка и литературы, вып. 3, стр. 54-68.

- ³ П. Симони. Повесть о Горе и Злочастии. Памятники старинного русского языка и словесности XV-XVIII столетий, вып. VII, 1. СПб., 1907, стр. 78.
- ⁴ "Азбука о голом и небогатом человеке": В. П. Адрианова-Перетц. Русская демократическая сатира XVII века, стр. 31.
- ⁵ Д. С. Лихачев. "Стих о жизни патриарших певчих". Труды Отдела древне русской литературы (ОДРЛ) Института русской литературы Академии наук СССР, т. XIV. М. - Л., 1958, стр. 425.
- ⁶ "Азбука о голом и небогатом человеке": В. П. Адрианов а-Перетц. Русская демократическая сатира XVII века, стр. 30.
- ⁷ "Азбука о голом и небогатом человеке": В. П. Адрианов а-Перетц. Русская демократическая сатира XVII века, стр. 31.
- ⁸ "Азбука о голом и небогатом человеке": В. П. Адрианов а-Перетц. Русская демократическая сатира XVII века, стр. 34.
- ⁹ "Азбука о голом и небогатом человеке": В. П. Адрианов а-Перетц. Русская демократическая сатира XVII века, стр. 35.
- ¹⁰ "Стих о жизни патриарших певчих". Труды ОДРЛ, т. XIV, стр. 423-426.
- ¹¹ Симони. Повесть о Горе и Злочастии, стр. 77.
- ¹² Симони. Повесть о Горе и Злочастии, стр. 83.
- ¹³ Симони. Повесть о Горе и Злочастии, стр. 83.
- ¹⁴ Симони. Повесть о Горе и Злочастии, стр. 83-84.
- ¹⁵ Симони. Повесть о Горе и Злочастии, стр. 87.
- ¹⁶ Житие протопопа Аввакума, им самим написанное - Издание Археографической комиссии (оттиск из кн. 1 "Памятников истории старообрядчества XVII в."), Пг., 1916, стр. 15.
- ¹⁷ Житие протопопа Аввакума, им самим написанное - Издание Археографической комиссии (оттиск из кн. 1 "Памятников истории старообрядчества XVII в."), Пг., 1916, стр. 69.
- ¹⁸ Житие протопопа Аввакума, им самим написанное - Издание Археографической комиссии (оттиск из кн. 1 "Памятников истории старообрядчества XVII в."), Пг., 1916, стр. 24.
- ¹⁹ Житие протопопа Аввакума, им самим написанное - Издание Археографической комиссии (оттиск из кн. 1 "Памятников истории старообрядчества XVII в."), Пг., 1916, стр. 45, 61, 77.
- ²⁰ Житие протопопа Аввакума, им самим написанное - Издание Археографической комиссии (оттиск из кн. 1 "Памятников истории старообрядчества XVII в."), Пг., 1916, стр. 45, 61, 77.
- ²¹ Житие протопопа Аввакума, им самим написанное - Издание Археографической комиссии (оттиск из кн. 1 "Памятников истории старообрядчества XVII в."), Пг., 1916, стр. 60.
- ²² Житие протопопа Аввакума, им самим написанное - Издание Археографической комиссии (оттиск из кн. 1 "Памятников истории старообрядчества XVII в."), Пг., 1916, стр. 30.
- ²³ Житие протопопа Аввакума, им самим написанное - Издание Археографической комиссии (оттиск из кн. 1 "Памятников истории старообрядчества XVII в."), Пг., 1916, стр. 33.
- ²⁴ Житие протопопа Аввакума, им самим написанное - Издание Археографической комиссии (оттиск из кн. 1 "Памятников истории старообрядчества XVII в."), Пг., 1916, стр. 15.
- ²⁵ Житие протопопа Аввакума, им самим написанное - Издание Археографической комиссии (оттиск из кн. 1 "Памятников истории старообрядчества XVII в."), Пг., 1916, стр. 12.
- ²⁶ Житие протопопа Аввакума, им самим написанное - Издание Археографической комиссии (оттиск из кн. 1 "Памятников истории старообрядчества XVII в."), Пг., 1916, стр. 34.
- ²⁷ Житие протопопа Аввакума, им самим написанное - Издание Археографической комиссии (оттиск из кн. 1 "Памятников истории старообрядчества XVII в."), Пг., 1916, стр. 207-208.
- ²⁸ Житие протопопа Аввакума, им самим написанное - Издание Археографической комиссии (оттиск из кн. 1 "Памятников истории старообрядчества XVII в."), Пг., 1916, стр. 45.
- ²⁹ А. К. Бороздин. Протопоп Аввакум. Очерк из истории умственной жизни русского общества в XVII в. СПб., 1900, стр. 133.
- ³⁰ Памятники истории старообрядчества XVII в., кн. 1. Л., 1927, стр. 24.
- ³¹ Памятники истории старообрядчества XVII в., кн. 1. Л., 1927, стр. 25.
- ³² Памятники истории старообрядчества XVII в., кн. 1. Л., 1927, стр. 27.
- ³³ Памятники истории старообрядчества XVII в., кн. 1. Л., 1927, стр. 240.
- ³⁴ Памятники истории старообрядчества XVII в., кн. 1. Л., 1927, стр. 763-764.
- ³⁵ Памятники истории старообрядчества XVII в., кн. 1. Л., 1927, стр. 16-17.
- ³⁶ Памятники истории старообрядчества XVII в., кн. 1. Л., 1927, стр. 32.
- ³⁷ Памятники истории старообрядчества XVII в., кн. 1. Л., 1927, стр. 71.
- ³⁸ Памятники истории старообрядчества XVII в., кн. 1. Л., 1927, стр. 337.
- ³⁹ Памятники истории старообрядчества XVII в., кн. 1. Л., 1927, стр. 419.
- ⁴⁰ Памятники истории старообрядчества XVII в., кн. 1. Л., 1927, стр. 151.
- ⁴¹ Памятники истории старообрядчества XVII в., кн. 1. Л., 1927, стр. 82.
- ⁴² Памятники истории старообрядчества XVII в., кн. 1. Л., 1927, стр. 42.
- ⁴³ Памятники истории старообрядчества XVII в., кн. 1. Л., 1927, стр. 23.